

1

Где-то в Бактрии. 1330 год до нашей эры

Заратустра поднялся на невысокий холм и огляделся. Сколько видел глаз, перед ним лежала сухая бесплодная бактрийская равнина, и единственным возвышением на ней был этот холм.

Вечерело. Его ученики располагались на отдых. В последнее время их численность неуклонно росла, и сегодня почти сто человек следовали за пророком, внимая каждому его слову. Неподалеку жрецы, или иначе — маги, отринувшие поклонение ложным божествам ради следования путем Истины, готовили священный напиток — хаому. С помощью этого дурманящего снадобья всем присутствующим удастся достичь состояния транса. Их разум освободится от телесной оболочки, и они будут готовы принять наставления Ахуры-Мазды.

К употреблению хаомы Заратустра относился с осторожностью, потому что знал о ее возбуждающем свойстве. И хотя хаома открывала ему доступ к видениям, передаваемым Великим Творцом, в излишестве священная жидкость приводила его в состояние, в котором пророк не помнил практически ничего о происходящем.

И Заратустра, и чародеи, готовившие хаому, знали, какие растения необходимо собрать, в какой пропорции смешать, сколько времени кипятить и как долго настаивать полученный отвар. Эта традиция пришла из глубины веков и всегда оберегалась немногими посвященными, которые следили за

тем, чтобы древнее знание применялось исключительно в религиозных целях.

Заратустра наблюдал, как один из учеников разводит костры вокруг помоста из бревен — туда ему предстояло подняться. Золотисто-алые отблески пламени делали призрачной и нереальной его фигуру в белой тунике. По склонам холма тоже разводили костры.

Пророк устремил взор вдаль, туда, где сливались небо и земля. Облака по линии горизонта обагрились не только там, где вот-вот скроется из виду солнце, — вокруг Заратустры тоже сгущалось огромное кольцо огненно-красных туч.

Пророк с содроганием поднял глаза к небу, по-прежнему ясному и безоблачному, хотя приближающаяся ночь уже бросила на него свою темную тень. В облачном кольце начали вспыхивать необычно яркие молнии. Это удивительно прекрасное зрелище свидетельствовало о существовании сил, недоступных человеческому пониманию.

Внезапно на пророка снизошла уверенность в том, что этой ночью произойдет нечто особенное, отчего по спине его пробежал озноб.

Прежде великий Ахура-Мазда, владыка добра и истины, неоднократно оказывал ему честь, используя его для передачи своего Слова людям. И всякий раз Заратустра предчувствовал приближение этого момента и замечал, что чувства обостряются до предела. Сегодня все было иначе. Хотя он испытывал и уже знакомые ему ощущения, их заглушало другое, более мощное чувство, названия которому он пока не находил. Это была странная смесь мучительно-го беспокойства, замешательства и... страха. Того самого страха, что сопровождает человека от начала времен, который возникает в его душе при каждой встрече с неизвестным. Один из чародеев медленно приблизился к нему и протянул чашу с хаомой. Заратустра принял сосуд и же-

стом распорядился дать священный напиток всем присутствующим.

Церемония завершилась. Заратустра сидел, прислонясь к небольшому камню. Он неимоверно устал. Воцарившуюся тишину нарушали лишь отдаленные раскаты грома. Все его ученики уже спали. Употребление хаомы неизбежно влекло за собой глубокий сон, и сопротивляться ему люди были не в силах.

Пророк попытался восстановить в памяти происшедшее, но его мозг наполнили бессвязные образы и ассоциации. Ему всегда с трудом давались воспоминания о моментах, прожитых под воздействием опьяняющего напитка, но теперь, по прошествии многих лет, он отметил, что всякий раз прилагает для этого все больше усилий. Он отыскал взглядом своего двоюродного брата Гидарна — тот растянулся на земле у вылепленной из глины маленькой ритуальной башенки, из которой вырывалось голубоватое пламя, зажженное в честь Мудрого Творца перед началом церемонии.

Гидарн был первым и самым верным его последователем. Свое первое откровение Заратустра получил много лет назад и тотчас поделился со своим родственником, и Гидарн оставил дом и семью, чтобы последовать за пророком.

К тому же он был писарем. Каждый раз, когда Ахура-Мазда говорил с людьми устами пророка, Гидарн прилежно записывал все его послания.

Теперь он спал, сжимая в руках письменные принадлежности. Заратустра хотел было его разбудить, чтобы услышать рассказ о происшедшем во время сегодняшней церемонии, но потом решил дожидаться утра.

В чем пророк нисколько не сомневался, так это в том, что этой ночью через него опять говорил Ахура-Мазда, Властелин Добра, Истины и верховной Мудрости.

Его усталый рассудок припомнил знакомое ощущение: он видит лишь ослепительный свет, из его рта мимо воли потоком льются слова. Ровный и чистый свет разливается повсюду, но его это несколько не пугает. Напротив, он исполнен мира и покоя.

Припомнил он и удивление, которое испытывал всякий раз, слушая самого себя. Он отдавал себе отчет в том, что слышит слова, которые срываются с его губ, но ему кажется, что произносит их кто-то другой. Заратустра скрестил на груди руки, в который раз изумленно благоговей перед великой истиной: он слушал голос Премудрого Владыки.

Он плотнее укутался в накидку. Наступила глубокая ночь, холод пробирал его до костей, несмотря на пылающие повсюду костры.

В эту ночь Ахура-Мазда говорил о назначении человека, о Безграничном Времени и о конце времен. Пророк и не помнил слов, в его мозгу запечатлелся оттиск всего происшедшего.

Добро и Зло, Истина и Ложь — к этим понятиям Премудрый Владыка возвращался постоянно, и эта ночь не стала исключением. Он снова убеждал людей приложить все усилия к тому, чтобы следовать прямым путем праведности. «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Эти слова Ахуры-Мазды часто звучали из уст пророка.

Еще одним повторяющимся мотивом была тема о Безграничном Времени и его кульминации, и этой ночью ее не обошли вниманием. Голос Заратустры истово вещал о непрекращающейся борьбе между духом Истины (Спента-Манью) и духом Лжи (Анхра-Манью), о том, как в конце времен первый одержит победу над вторым, и голоса праведных сольются в единый хор, восславляя кульминацию Безграничного Времени.

Творение завершит свой цикл, и Ахура-Мазда, одержав победу над Ахриманом, станет единовластным повелителем.

Ахриман... Одно воспоминание об этом имени заставило пророка содрогнуться. Воплощение Зла и Низости с соответ-

ствующими атрибутами и грязными замыслами, тьма на пути света, ложь, которая выжидает удобного момента, чтобы войти в жизнь человека. Его манью, или дух, находился повсюду: пристально следил за людьми, скрывался под различными личинами, нападал на слабых и уводил их с пути истинного.

Заратустра отлично понимал, что он сам и его последователи являют предмет вожелений наемных убийц Духа Зла. Порой он ощущал их близость физически. Случалось, под воздействием обострявшей все чувства хаомы он улавливал их богомерзкое зловоние. В таких случаях Заратустра сосредотачивался на образе Премудрого Владыки и просил его о помощи. Ахура-Мазда откликнулся, и покой возвращался в душу пророка.

Он внимательно осмотрел стоявший у его ног сосуд — чашу до половины наполнял дурманящий священный напиток, — сделал большой глоток, лег, устраиваясь на земле удобнее, и подложил под голову камень.

Пророк рассчитывал, что хаома поможет ему заснуть. Его утомленное тело отчаянно нуждалось в отдыхе.

Ночь опустилась на землю, но кольцо красноватых туч над ним по-прежнему отчетливо выделялось на фоне черного неба. А вот вспышки молний прекратились. Заратустра поднял голову и устремил взгляд в ясное безлунное небо, усеянное удивительно яркими звездами.

Его сознание находилось под воздействием хаомы, и поэтому на ум пророку пришли слова, которые этой ночью Ахура-Мазда произнес его голосом. Мудрый Владыка говорил о непрекращающемся сражении с Ахриманом, о том, что окончательная победа возможна лишь по окончании Безграничного Времени, а локальные успехи приводят только к временному ослаблению армии Зла, которая мгновенно восстанавливает силы и вновь идет в атаку.

«Победа, одержанная сегодня ночью, — эти слова звенели в голове пророка, словно они вновь зазвучали в про-

странстве, — даст людям передышку на три тысячи триста тридцать лет. Это время необходимо использовать для подготовки. Затем Зверь возродится, целый и невредимый, и остановить его будет под силу лишь праведнику, если таковой найдется».

Заратустра не знал, прозвучали эти слова на самом деле или это плод его воображения. Как бы то ни было, но о какой победе идет речь? Кого или что имел в виду Ахура-Мазда, говоря о праведнике?

Пока он пытался взять свои мысли под контроль, опоясывающее горизонт кольцо начало сжиматься. К пророку вернулась ясность ума, и он отметил, что алые тучи вплотную приблизились к холму, на котором расположился пророк со своими последователями, заключив их в магическое кольцо.

Заратустра наконец очнулся и огляделся. Вокруг безмолвие и покой. Все погружено в сон — и люди, и природа.

Пророк содрогнулся, снова увидев молнии в кольце. Фантастическое синее сияние озаряло холм. Он отметил и нечто более странное — если такое вообще возможно. Все происходило без единого раската грома. Да, он ничего не слышал. Стояла оглушающая тишина.

Ему опять захотелось разбудить Гидарна, не столько для того, чтобы тот увидел то, что наблюдал он сам, сколько для того, чтобы разделить с ним свой всевозрастающий ужас.

Но он как будто прирос к месту, не в силах двинуться или что-либо предпринять. Разворачивающееся на его глазах пугающее зрелище заставило позабыть обо всем на свете.

В центре красного облачного кольца материализовались две фигуры. Внешне они имели вполне человеческий облик — с головами и туловищами, руками и ногами. Впрочем, Заратустра понимал, что на этом сходство заканчивается. От фигур исходила такая мощь, что у пророка не оставалось сомнений: по сравнению с ними любой из окружающих его людей был меньше мельчайшей песчинки в пустыне.